

ТВОРЧЕСТВО Ф. АБРАМОВА В РЕЦЕПЦИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ СЛАВИСТОВ И РУССКИХ КРИТИКОВ КОНЦА XX в.

Рассматриваются критические подходы к осмыслению творчества одного из авторов «деревенской прозы» – Фёдора Абрамова. Утверждается, что это направление в целом оказало решающее влияние на ход литературной перестройки. Несмотря на появление в конце 1980-х гг. произведений более смелых и стилистически, и политически, наследие Ф. Абрамова помогло сохранить традиции русской классической литературы.

Ключевые слова: деревенская проза, литературная критика, славистика, Ф. Абрамов.

В начале последнего десятилетия XX в. английский критик Дэвид Гиллеспи утверждал, что «деревенская проза» оказала решающее влияние на ход советской литературной перестройки [1. С. 70]. Это было одно из самых популярных и успешных направлений в литературе вплоть до 1980-х гг. Однако в период, наступивший сразу после развала Советского Союза, когда пересмотру подвергались многие реалии советской действительности, критики не были так единодушны в своей оценке феномена «деревенской прозы». Свобода, ознаменовавшаяся перестройкой и гласностью в конце 1980-х гг., вызвала не только изменение литературного канона. С началом нового этапа в истории литературы сомнению стала подвергаться репутация писателей, имевших общественный успех в советский период. Самое главное обвинение «деревенской прозы» состояло в том, что она стала литературой, получившей официальное признание во времена жестокой цензуры: «Сам факт ее публикации в СССР вызывает подозрение в неискренности и заставляет клеймить писателей как малодушных оппортунистов» [2. С. 157].

Для того чтобы изменить послесоветскую оценку всего движения и нравственный облик его создателей, западные критики (Д. Гиллеспи, К. Партэ) считают необходимым поместить все произведения этих писателей в новый литературный контекст – и опубликованные официально, и те, которые писались в свое время «в стол», их личные архивы, состоящие из писем, дневников и записей, а также все критические работы о них [3. С. 65].

Наряду с эмигрантской литературой, самиздатом и тамиздатом «задержанная» литература – явление, вызывающее интерес своей оппозиционной направленностью по отношению к существовавшей идеологии. Именно поэтому обнародование «задержанных» произведений авторов «деревенской прозы» способствовало восстановлению их репутации, особенно в постперестроечное время, когда положительная оценка наследия этой прозы стала неоднозначной. В начале 1990-х гг. появилась статья Вик. Ерофеева «Поминки по советской литературе», в которой он обвиняет деревенскую литературу в деградации, хотя и называет авторов этой прозы более одаренными и более социально достойными в сравнении с представителями официальной литературы. Ориентированный на Запад Виктор Ерофеев саркастически замечает, что «в России, как и в других странах с большим сельским населением, деревенская литература традиционно заражена мессианским духом, странным сочетанием комплекса национального превосходства, народной и религиозной исключительности с комплексом неполноценности» [4. С. 41]. Постсо-

ветское осмысление деревенской прозы еще больше осложнило ее репутацию в связи с появлением произведений, далеких от почвеннической литературы, более смелых стилистически (Вик. Ерофеев, Т. Толстая и др.) и политически (В. Войнович, А. Рыбаков и др.).

Многие западные слависты, напротив, оказались единодушны в позитивной оценке литературного наследия русских авторов (уже ушедших из жизни), писавших в советское время на тему деревни. Английский критик Д. Гиллеспи называет переоценку их творчества русскими критиками самой парадоксальной особенностью советского литературного развития [1. С. 77]. Этот же парадокс отмечает и К. Партэ, напоминая, что «в годы застоя деревенскую литературу уважали за правдивость и честность, а в конце 1980-х гг. В. Распутин, В. Белов и В. Астафьев стали считаться консерваторами, возвращающимися к патриархальным ценностям и традициям. Это парадоксально вдвойне, потому что лучшие их произведения были написаны больше двадцати лет назад в самых демократических традициях русской литературы» [2. С. 157]. По мнению Дж. Биллингтона, творчество «деревенщиков», многие из которых – выходцы из Сибири, земель Архипелага ГУЛАГ, было разновидностью протеста против советской системы. Эти писатели не столько восславляли российскую деревню и провинцию, сколько обличали советскую бюрократию, уничтожившую их ценности и загрязнившую окружающую среду [5. С. 13].

Катлин Партэ неоднократно высказывала мысль о нравственной дилемме: «...что лучше во времена угнетения и жестокой цензуры? Эмигрировать, культивировать “жанр молчания”, как предложил в 1934 году И. Бабель, рисковать попасть в тюрьму за то, что ты говоришь или пишешь? Или публиковать по возможности самые лучшие работы, которые могли бы пройти через цензуру, помогать сохранять и поддерживать литературные традиции, давать общественности хоть что-то ценное для чтения и размышлений» [2. С. 158]. У американской исследовательницы не вызывает сомнения решающая роль «деревенской прозы» в постсталинском возрождении литературы. Несмотря на кажущийся компромисс с властями, писатели-деревенщики сделали многое, и главное – они способствовали возрождению традиций русской литературы. Трагизм судеб многих из них, выразившийся в невозможности сказать всю правду, в необходимости писать «эзоповым» языком, стал очевиден только с появлением новых произведений, написанных в свое время «в стол», и архивных данных. Публикация «задержанных» произведений «деревенской прозы» опровергает тот факт, что эти писатели были избалован-

ными любимцами режима, которым позволялось публиковать все что угодно.

Одним из писателей, чье творчество было «пересмотрено» в послесоветский период российской критикой, является Фёдор Абрамов. Д. Гиллеспи называет его и В. Тендрякова посмертными «любимцами» гласности [1. С. 77]. «Задержанные» произведения Абрамова представляют собой еще один – не только идеологически-оппозиционный, но и собственно литературный – шаг, идентифицирующий современные модификации в развитии архетипа Деревни. А. Большакова указывает на то, что все художественные произведения Абрамова вместе с автобиографическими заметками, дневниковыми записями, мемуарами образуют сложное и подвижное интертекстуальное пространство и вводят творчество писателя не только в русло классической русской традиции, но и в мировую традицию метапрозы, представленную, прежде всего, именами Пушкина, Гоголя, Достоевского, Сервантеса, Стерна [6. С. 60]. Включение советского писателя в один ряд с такими выдающимися представителями мировой литературы говорит о признании его таланта и авторитета на Западе. Английский критик Дэвид Гиллеспи, также очень высоко ценивший Абрамова, заявляет, что достаточно было бы одной повести «Поездка в прошлое», чтобы помнить Абрамова и сто лет спустя и чтобы его имя вошло в историю русской литературы [7. С. 81]. Для Гиллеспи это произведение (написанное в 1963–1964 гг., опубликованное в 1993 г.) оказывается ключевым в осмыслении творчества Абрамова в целом. Его «задержанные» произведения, к которым относятся также незавершенные повести «Кто он?» (публ. 1993) и «Белая лошадь» (публ. 1995), наряду с личными, архивными записями писателя, свидетельствуют о том, что не все свои подлинные чувства – сомнения, неуверенность, отчаяние, негодование – Абрамов мог выносить на суд общественности, но порой вынужден был скрывать.

В статье «Общественный дух, личные сомнения» Гиллеспи, пытаясь найти ключ к пониманию личности Абрамова, ставит задачу рассмотреть в единстве творчество писателя и его внутренний мир, создав тем самым цельное представление об Абрамове как художнике и человеке [7. С. 12]. М. Бахтин писал: «Автор-творец поможет нам разобраться в авторе-человеке, и уже после того приобретут освещающее и восполняющее значение и его высказывания о своем творчестве» [8. С. 5]. Стремление создать образ личности Абрамова через рассмотрение этих двух существующих самостоятельно, но взаимовлияющих начал, отражено и в названии, которое Д. Гиллеспи дал своему исследованию, – «Общественный дух, личные сомнения».

Условия, в которых приходилось работать Абрамову и другим писателям, Д. Гиллеспи метко называет «шизофренией, порожденной в советской культуре угнетающим аппаратом цензуры и контроля, где опубликованные произведения лишь намекали на правду, которая могла быть полностью выражена только в частных дневниках, письмах и записках» [7. С. 76].

Высказывания писателя в отношении таких этапов в советской истории, как коллективизация, особенно интересны Гиллеспи как представителю другой культуры.

Он подчеркивает, что многократно возникающая в записях Абрамова тема коллективизации волнует художника как проявление высочайшей несправедливости. В этих личных записях Ф. Абрамов вновь и вновь отрицает представление о кулаках как антинародном классе, отвергая, таким образом, одно из главных оправданий коллективизации. «Я снова думал о России. Было ли на самом деле необходимо так поступать с кулаками? Не оттуда ли идут все наши беды? Сколько людей мы потеряли? <...> можно ли сложить все потери? Гражданская война. Три миллиона в Первую мировую войну. Коллективизация. Двадцать миллионов, как говорят. Сталин, Великая Отечественная война, послевоенный голод... Искоренение народностей. Удивительно, что мы всё еще живы. А в Сибири? Раньше была Сибирь, теперь уже нет. Искоренение. Сколько могил мы выкопали...» [7. С. 78]. Он также заявляет, что коллективизация обернулась разрушением сельского хозяйства, растянувшимся на следующие сорок лет. Гиллеспи подчеркивает, что Абрамов не был слеп к ужасам и угнетающей правде советской истории и фальсификациям официальной политики. Размышления писателя об одном из самых трагических периодов в истории русской деревни раскрывают его как человека, глубоко обеспокоенного судьбой крестьянства. Сомнения, мучившие его, провоцировали то подавленное состояние, которое передано в его дневниках, где Абрамов явил свое абсолютное отрицание коллективизации.

Личные записи Абрамова, наряду с его «задержанными» произведениями, помогают английскому критику Гиллеспи восполнить недостающие элементы в картине творчества русского писателя и создать целостное представление о нем как о художнике. Повесть «Поездка в прошлое» вызвала большой резонанс в западной критике не только потому, что обличала коллективизацию. Внутритекстовое пространство повести организовано таким образом, что позволяет вместить несколько смысловых пластов на символическом уровне. Одним из интересных символов Д. Гиллеспи называет, например, поиск отцовства, расширяющийся до символа утраты и поиска национальной идентичности. На эту связь указала в своей монографии и А. Большакова, обратившая внимание на то, что в произведениях Абрамова идея поиска отца/отцовства, начавшаяся еще с повести «Безотцовщина» (1961), проходящая основной линией развития через всю его тетралогию «Пряслины» и понимаемая шире как идея утраченного родства и его восстановления, актуальна настолько, что можно предположить, что все его творчество развивается под знаком этого поиска [6. С. 61].

Английский славист считает, что, в отличие от В. Белова и В. Распутина, наделявших образы родных мест ностальгическими и мифологическими чертами, Абрамов не мифологизирует деревню и не идеализирует своих персонажей: «Он не заинтересован в создании цельных крестьянских типов, морально превосходящих других людей, как, например, Распутин, Астафьев и Белов. Он показывает реальных людей со всеми присутствующими им плохими и хорошими сторонами» [7. С. 71]. На эту особенность творчества Абрамова указывали и советские критики. Например, Ш. Галимов подчеркивал, что у Абрамова нет бездумной идеализации дере-

венской жизни, так как он замечает и нравственные несовершенства людей, и факты социальных уродств [9. С. 36].

Д. Гиллеспи обращает внимание на сходство повести Ф. Абрамова «Поездка в прошлое» с «Матрениным двором» А. Солженицына. Это сравнение нам представляется неслучайным при понимании различия творческих судеб этих писателей. Солженицын, конечно, был более известен на Западе, чем Абрамов или любой другой из современных писателей. Появившись со своими публикациями в «Новом мире» в начале 1960-х гг., Солженицын «с самого начала заявил о себе как писатель-творец, в котором сила художника не уступает силе мыслителя, и наоборот» [6. С. 137]. В период популярности публицистических очерков по злободневным сельскохозяйственным проблемам и лирических рассказов о красоте русской природы произведения Солженицына сразу обратили на себя внимание глубиной и масштабностью. Уже в его ранних произведениях, изображавших картины русской жизни, казалось бы, просто и без пафоса зазвучал вопрос о месте и роли России в современном мире, о поиске путей ее развития. Как отмечал американский исследователь традиционализма в русском менталитете и феномена «русской души» Д. Питерсон, «творчество Солженицына отразило процесс формирования в российском обществе 1960-х годов русского культурного самосознания» [10. С. 64].

Дж. Хоскинг даже заметил как-то, что «рядовому западному читателю можно простить предположение, что в области литературы Солженицын был единственной звездой на невыразительном русском литературном небосклоне» [11. С. 705]. Парадокс восприятия русской литературы за рубежом, отмеченный англо-американскими славистами, в том, что некоторые писатели становились знаменитыми благодаря не столько художественным достоинствам своих произведений, сколько их идеологическому содержанию: «Русских писателей читали не за вклад в искусство, а за их политические взгляды» [12. С. 57]. Это заставило американского слависта Деминга Брауна саркастически заметить: «Если бы “Две зимы и три лета” были написаны Александром Солженицыным, то они были бы немедленно переведены на Западе и провозглашены шедевром, как это было с повестью «Матренин двор» [13. С. 235]. Д. Браун утверждал, что роман Абрамова вызывает у читателей то же чувство сострадания, смешанное с горьким негодованием, что и повесть Солженицына, в нем не меньше повествовательной грации и силы, но намного больше ощущается чувство общности с крестьянским духом. Некоторые представители англо-американской критики, рассматривая становление «деревенской прозы», называли Абрамова и Солженицына среди тех писателей, чье творчество оказало наибольшее влияние на её развитие. Это мнение поддерживает российская исследовательница А. Большакова. Она считает, что между этими двумя, казалось бы, такими разными именами развёртывается парадигма «деревенской прозы» – ее начало и завершение: 1963-й – год публикации «Матрениного двора» и «Вокруг да около» Абрамова, вошедших в резкое противоречие с существующими цензурными нормами,

1983-й – дата смерти Абрамова, после чего началась серия итоговых публикаций его произведений из написанного «в стол» [6. С. 58].

В 1990 г., когда отмечалось 70-летие писателя, вышла статья И. Золотусского «Тропа Ф. Абрамова». Критик предлагает взглянуть на Абрамова как на одного из последних хроникеров русской крестьянской жизни, которую он хотел сохранить: «Проза Федора Абрамова – это сохраненная деревня, но сохраненная только в его воображении, в печали благодарной памяти. Это крестьянская Атлантида, которая уже затонула и лежит на дне океана. <...> Вместо того чтобы писать полную фантазию, Абрамов просто заполнял деревенский пейзаж теми элементами, которые были в реальности, но исчезали на его глазах. Поэтому, читая рассказы Абрамова, на какое-то мгновение начинаешь верить, что не всё ещё потеряно, не всё разрушено, что живущая деревня еще не до конца уничтожена. Это, конечно, поэтическая иллюзия. Это момент просветления... И вы не хотите расставаться с ним» [14. С. 5].

Так же как и русский критик И. Золотусский, американская исследовательница Катлин Партэ считает, что Абрамов описывал то, чего уже не было в действительности. В романе «Братья и сестры» автор создает детальный, лексически богатый портрет исчезающего деревенского образа жизни – один из основных атрибутов деревенской прозы; хотя этот портрет основан на прошедшей, былой реальности, он несёт в себе светлую, идеалистическую ауру и символическую ценность. По мнению К. Партэ, не только Абрамов, но и другие писатели этого направления придавали своим произведениям идеалистическую окраску. Например, В. Белов в своем сборнике очерков о народной эстетике «Лад» представляет одновременно явление всех положительных аспектов сложной народной культуры, которые никогда не могли быть реализованы в одной деревне в какое-то определенное время [3. С. 86]. В этой гармонии К. Партэ усматривает некую опасность, считая, что «Лад» и подобные ему произведения «деревенской прозы» могут легко представлять примеры желаемого, выдаваемого за действительное, и не выражают деревенскую жизнь доподлинно.

Идеализация традиционной русской крестьянской жизни, по мнению К. Партэ, приводит к созданию утопии: «Принимая во внимание, что значительная часть творчества Абрамова посвящена – с любовью и бережно – поднятию достоинства и возвращению значимости традиционной русской крестьянской жизни, даже несмотря на то, что жизнь эта уже почти исчезла, можем ли мы сказать, что творчество его до некоторой степени «утопическое»? Если так, то является ли акт изображения прежнего существования гармоничной, светлой деревни, о которой некоторые клеветники говорят, что она никогда и не существовала, «трюком фокусника», который в ретроспективе оказывается опасным?» [3. С. 87]. Так же, как и Катерина Кларк, исследующая прогрессистскую утопию литературы соцреализма [15. С. 17], К. Партэ уверена, что термин «утопический» применим как к русской «деревенской прозе» в целом, так и к творчеству Абрамова в частности. Она лишь указывает на то, что термин этот, на ее взгляд, спорный. Американская исследовательница отмечает, что в

российской литературной и философской практике понятие «утопия» часто используется в более широком смысле для обозначения идеализированной, воображаемой реальности, места, которое существует первоначально в образном или непрактичном мышлении. Она считает, что в этом смысле русский литературный взгляд на деревню и крестьянина был, до некоторой степени, «утопическим» последние двести лет, начиная с сентиментального периода и «Бедной Лизы» Карамзина.

К. Партэ подчёркивает, что прием абсолютизации прошлого доминирует и в творчестве Абрамова. Несмотря на описание Абрамовым конкретной, а не абстрактной деревни, как было свойственно колхозным романам, изображение деревенской жизни у писателя подчас принимает идеализированный тон, ассоциирующийся с романом XIX в. Подобно имени Обломова, деревня виделась Абрамову изолированной от остального мира и моделью идеального общества. Поскольку в подтексте утопического произведения всегда в той или иной степени ощущается полемика, опровержение какой-то общепринятой идеологии, можно считать, что утопическая направленность текстов Абрамова была формой его завуалированного протеста против действительности.

Вместе с тем К. Партэ выдвигает тезис о том, что утопическое прочтение всей деревенской прозы, в том числе и произведений Абрамова, вполне могло быть использовано для идеологических и политических целей: «Литература, основанная на писательской реконструкции чрезвычайно далекого детства, часто очень эмоциональной и созданной с помощью воображения, – ненадежный источник истинных фактов о прошлом; в “плохих” руках она может служить политической пропагандой, основанной на сознательном неверном прочтении прошлого» [16]. В своей монографии 1992 г. «Russian Village Prose: the Radiant Past» американская исследовательница называла писателей уязвимыми создателями художественных текстов, которые

могут быть использованы в конкретных политических целях. Она считала эту тему настолько важной, что посвятила ей следующую свою книгу – «Russia's Dangerous Texts». Российский литературовед Г. Белая, в свою очередь, пишет о том, что «романтическая идеализация истории была хороша до тех пор, пока была художественной философской метафорой», но «она не работает как философия истории и тем более как политическая программа. Обобщенное и абстрактное может быть прочитано как конкретное и исторически верное; тот же самый материал может быть использован, чтобы доказать, что почти идеальный деревенский мир был безжалостно разрушен враждебными силами и что эта утрата – историческая трагедия, от которой Россия никогда не оправится» [17. С. 177].

К. Партэ напоминает, что произведения «деревенских» писателей были предметом тщательного изучения, а часто и жестокой критики. «Деревенскую прозу» упрекали в том, что она была слишком позитивной по отношению к прошлому и безразличной или даже враждебной к любым изменениям в жизни общества. Дж. Хоскинг утверждает, например, что моральные ценности крестьян происходят не от солидарности, основанной на общем желании строить будущее, а на родстве, связанном с лишениями и страданиями, которые они пережили вместе в прошлом [11. С. 713]. К. Партэ считает, что все эти дискуссии прекратились бы с естественным затуханием активности деревенской прозы на литературной сцене, если бы не расцвет русского национализма на рубеже 1980–1990-х гг. Что же касается Ф. Абрамова, К. Партэ в своем исследовании приходит к следующему выводу: Абрамов, который понимал, что сохранить прежнюю деревню в реальности уже невозможно, пытался спасти ее в своем творчестве [3. С. 82]. Цель этого спасения проясняет Владимир Личутин, желавший, чтобы деревня глубоко уснула и сохранилась бы, таким образом, до тех пор, когда «послание» деревни могло бы быть снова услышанным [16. С. 94].

ЛИТЕРАТУРА

1. Gillespie D. Ironies and Legacies of the Village Prose // Forum for Modern Language Studies. 1991. Vol. xxvii, № 1.
2. Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое / Пер. И. Чеканниковой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.
3. Parthe K.F. The Village Rescued in Memory // The Life and Work of Fyodor Abramov / Ed. by D. Gillespie. Northwestern University Press, 1997.
4. Ерофеев Вик. Поминки по советской литературе // Русская литература XX века в зеркале критики. СПб., 2003.
5. Биллингтон Дж. Икона и топор. М.: Рудомино, 2001.
6. Большакова А. Нация и менталитет: феномен «деревенской прозы» XX века. М., 2000.
7. Gillespie D. Social Spirit, Private Doubts // The Life and Work of Fyodor Abramov / Ed. by D. Gillespie. Northwestern University Press, 1997.
8. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
9. Галимов Ш. Федор Абрамов: творчество, личность. Архангельск, 1989.
10. Dale E. Peterson, Solzhenitsyn Back in the U.S.S.R.: Anti-Modernism in Contemporary Soviet Prose // Berkshire Review. 1981. № 16. P. 64–78.
11. Hosking G. The Russian Peasant Rediscovered: «Village Prose» of the 1960s // Slavic Review 32. December, 1973. № 4.
12. Laird S. Voices of Russian Literature. Interviews with Ten Contemporary Writers. Oxford University Press, 1999.
13. Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
14. Золотусский И. Тропа Федора Абрамова. К 70-летию со дня рождения // Литературная газета. 28 февр. 1990.
15. Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual, 2nd edition. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
16. Parthe K.F. Russian Village Prose: the Radiant Past. Princeton, 1992.
17. Belaya G. The Self Destruction of Closea Cultures // Critical Studies. Vol. 6. Amsterdam: Atlante, 1996. P. 175–180.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 марта 2011 г.